

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

П И С Ъ М Е Н Н Ы Е
П А М Я Т Н И К И
В О С Т О К А

И С Т О Р И К О - Ф И Л О Л О Г И Ч Е С К И Е
И С С Л Е Д О В А Н И Я

Ежегодник

1968

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1970

Р. Алиев

ВОЛЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ И ПРОБЛЕМА МЕТОДА СОСТАВЛЕНИЯ КРИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Каждая книга, дошедшая до нас в рукописях, имеет свою биографию, собственную историю и судьбу. Эта судьба начала складываться у книги сразу же после ее рождения в зависимости от характера ее содержания и формы, в борьбе вкусов и духовных запросов читателей, эстетических и политических настроений, а также в результате других факторов.

В зависимости от количества и качества дошедших до нас списков воля составителя при подготовке издания то расширяется, то суживается. Иными словами, если издатель располагает автографом или рукописями, непосредственно переписанными с автографа, то круг его обязанностей ограничивается раскрытием авторского текста, если так можно выразиться, его расшифровкой и комментированием.

Однако такое счастье редко выпадает на долю текстологов. Как правило, специалистам приходится иметь дело с текстами, наличные списки которых отделены от времени автора и созданного им произведения целыми столетиями.

Для искажения же первоначального текста не нужно много времени. Оно начинается еще при жизни автора, с момента размножения рукописи. Это обстоятельство хорошо понимали сами поэты и писатели Востока.

Отнюдь не к оригинальности или гиперболе стремился один из средневековых писателей, когда говорил, что персидский текст после третьей переписки превращается в арабский.

Искажение текстов происходило так быстро и в таком широком масштабе, что это обстоятельство в средневековой литературе вызвало появление специального жанра авторского обращения, которое адресовывалось к тем людям, которые вследствие различных причин исказили текст поэтического произведения.

Классические образцы подобных обращений содержат азербайджанский и персидский диваны Фузули. Вот одно из них:

«О господи, — говорит поэт, — храни и оберегай в крепости своей эту прекрасную возлюбленную и бесподобную красавицу, лицо которой украсила служанка твоих милостей и убранство которой довели до степени совершенства драгоценные камни твоего содействия, от всех злодеев, а особенно от трех разрядов гнусных людей.

Во-первых, от того глупого писца, круглого невежды, чье дурное перо является киркой, разрушающей здание просвещения, а калам, наводящий тоску, служит зодчим, воздвигающим здание глупостей. Он то одной точкой превращает „любовь” (معبت) в „мучение” (معنت)

то, изменив одну букву, заставляет читать слово „благо“ (نعمت), как „бедствие“ (نقمت).

Пусть отсохнут руки писца, который разрушает
 Благоустроенный храм, возведенный наукой и просвещением.
 Список его гнусен, вино уступает ему в греховности.
 Ведь он своими превращениями из „винограда“ (عنب) делает „порок“ (عیب).
 Пусть отрежут руки дурному писцу.
 Который превращает наше „слово“ (سوز) в „соль“ (شور).
 То он, опуская одну букву, из „диковинного“ (نادر) делает „огонь“ (نار);
 То, забыв одну точку, „глаз“ (گوز) делает „незрячим“ (کور).

* * *

Пусть станет несчастным скитальцем, подобно перу, тот безмозглый,
 Чей калам служит ломом, разрушающим основу просвещения.
 Почерком он украшает облик слов, но какая польза [от этого],
 Коль он чернотой (ошибками) своего письма
 скрывает, как занавесой, красавицу смысла.

Во-вторых, от безграмотного глупца с испорченным вкусом, который, хотя и притязает на талант, но, когда читает на собраниях и в кружках стихи, не отличает поэзию от прозы, так что из-за его бездарного исполнения с лица красавицы содержания не поднимается покрывало...

Пусть вечных райских благ лишится тот дурной,
 Который своей грубой речью разрушает размеры.
 Он сносит дом стихов киркою языка.
 И своим неверным чтением позорит златоустов.

В-третьих, от жестокого завистника и порочного зложелателя, которого испорченный вкус заставляет думать, будто он владеет поэтическим мастерством, между тем как на деле он не обладает способностью постигать тонкости поэзии и, хотя притязает своим бездарным воображением на стихотворчество, не находит дороги, ведущей к истинному содержанию речей. Зависть неизбежно ослепляет глаза его совести, он пускается в бесполезное пустословие перед невеждами, доверяющими его уму, и вносит такие дурацкие изменения в стихи, что всякое наслаждение, доставляемое ими слушателям, исчезает...»¹.

Кроме указанных категорий лиц, вносящих в стихи «изменения», которые авторы проклинали с такой страстью, был еще один разряд людей, редакционное творчество которых поощрялось самими поэтами и писателями. Так, тот же Фузули в заключении своего предисловия к азербайджанскому дивану, обращаясь к просвещенным и благородным читателям, говорит: «Да будет милость творца над тем благородным человеком с чистыми помыслами, который, созерцая этих юных красавиц, украсит драгоценными камнями одобрения совершенную красоту наилучших из них, расчешет гребнем великодушия в некрасивых кудрях дурнушек завитки их недостатков и милостивой полировкой снимет пыль пороков с зеркала их достоинств».

¹ Фузули, Избранное, Баку, 1958, стр. 2 (пер. Р. Алиева).

Иными словами, поэт допускает, что в его газелях могут быть неудачные образы, несовершенные строки, и он не только разрешает, но и просит своих просвещенных читателей подправить их, отшлифовать. Подобные просьбы впоследствии воспринимались не как признак скромности, а в прямом смысле, в результате чего многие стихотворения поэтов, представленные в различных списках, носят следы творческих усилий просвещенных переписчиков, чтецов, певцов.

Более или менее серьезные попытки очищения текстов литератур Ближнего Востока начались лишь во второй половине XIX в. в Европе.

Публикация европейскими ориенталистами памятников восточных литератур положила начало научному подходу при подготовке текстов к изданию. Однако принципы, которыми руководствовались европейские ученые, не всегда оказывались эффективными. Эти принципы, искусственно перенесенные из области античной филологии без учета особенностей текстов и степени изученности литератур Востока, естественно приводили часто к прискорбным результатам.

В дальнейшем к изданию текстов классических памятников приступили сами восточные ученые. Всестороннее знание языка, глубокая начитанность в литературе, великолепная общая подготовка позволили этим ученым очистить значительное число памятников от позднейших интерполяций и других искажений. Однако субъективно-интуитивный отбор и преднамеренный отказ от документации текста, от фиксации отвергнутых вариантов значительно снижают научную ценность опубликованных работ. К сожалению, от этих принципов восточные филологи не отказались до сих пор, и они широко применяются как в Иране, так и в арабских странах.

Из этого следует естественный вывод о том, что при публикации памятников классической литературы, когда, как правило, мы имеем дело с произведениями, автографы которых не дошли до нас, а старейшие списки отдалены от времени написания, может быть, столетиями, должны быть выработаны более или менее устойчивые научно-эффективные принципы, позволяющие восстанавливать примерный круг чтений, из которого не выходит первоначальный авторский текст.

На наш взгляд, эти принципы не нужно изобретать. Все элементы этого метода существуют, применялись и применяются с разной степенью последовательности и осознанности в различных работах ученых разных стран.

Этот метод, в дальнейшем именуемый принципом предпочтительных чтений, представляет собой слияние наиболее эффективных элементов европейской и восточной текстологии, соединение наиболее удачных компонентов объективно-пассивного и субъективно-активного подходов к тексту. Другими словами, реставрация первоначальной авторской редакции должна быть не механическим и не произвольным, а научно-творческим актом, полностью исходящим из объективных данных.

Что же конкретно представляет собой этот метод предпочтительных чтений, из каких элементов состоит он и как его применять?

Следует повторить, что метод применим лишь к тем памятникам, автографы которых не дошли до нас, а старейшие списки отделены от времени автора и его произведения значительным отрезком времени.

* * *

Этот метод предполагает два этапа работы, каждый из которых должен быть выполнен с одинаковой тщательностью.

Первый этап — это выявление и всесторонний анализ рукописей произведения, а также вспомогательных источников, комментариев и т. д.

Выявленные списки текста прежде всего должны быть изучены и классифицированы самым тщательным образом. Причем при классификации списков нужно принимать во внимание не только возраст рукописей, но и данные анализа и изучения их текстов. Часто бывает так, что более поздняя рукопись дает более чистый и свободный от искажения текст. Теперь возникает вопрос, как же установить степень достоверности списков? По нашему мнению, это не так трудно сделать, как может показаться на первый взгляд, хотя работа эта очень трудоемкая. Дело в том, что как бы ни портился текст, каким бы искажением он ни подвергался на протяжении длительного периода времени, он все-таки сохраняет основные особенности языка, стиля автора, реалий и данных его эпохи.

Предварительный анализ списков как раз и призван выявить, хотя бы не полностью, специфику, характерные особенности произведения, которые должны стать критериями для оценки степени достоверности рукописей и их классификации по группам.

Обычно эту работу мы проделываем в процессе составления текста и чем больше прикасаемся к тексту, тем точнее мы узнаем степень достоверности того или иного списка. Вот эту-то работу мы обязаны провести, хотя бы в меньшем объеме, при выявлении и классификации списков.

Опыт работы над текстами памятников показывает, что непосредственная критика текста должна начаться вместе с выявлением списков. Чем точнее, чем глубже будет предварительный анализ, изучение и классификация рукописей, тем успешнее и эффективнее пойдет второй этап работы — непосредственный практический отбор текста.

При составлении текста необходимо руководствоваться принципом активного критического отбора наилучшего чтения из всех предлагаемых вариантов в каждом отдельном случае. Заметим, что речь идет о тех случаях, когда рукописи предлагают самые различные варианты, а не о тех благополучных местах в тексте, когда все рукописи дают идентичное чтение.

Предпочтительным должно считаться прежде всего такое чтение, которое подсказывается как данным, так и общим контекстом и которое поддерживается одной или двумя старейшими или авторитетными рукописями.

Приведем несколько примеров:

Во вступительной части *Шах-наме* имеется специальный раздел «О сотворении луны», который начинается так:

بيد تا توانی توهرگز مپیچ شود تیره گیتی بدو روشنا	چراغست مرتیره شب را بسیچ چو سی روز گردش بپیمایدا
---	---

Есть некий светильник, припасенный для темной ночи,
 Пока ты можешь, о человек, не склоняйся к дурному.
 Когда он (месяц) за тридцать дней проходит свой путь,
 Темная вселенная благодаря ему становится светлой.

Далее все рукописи, за исключением Лондонской, приводят следующий бейт:

پدید آید آنگاه باریک و زرد چو پشت کسی کو غم عشق خورد

Тогда он (месяц) явится, узкий и желтый (бледный),
Словно спина человека, снедаемого горем любви.

Этот вариант, приводимый большинством рукописей, включен в основной текст (см. Фирдоуси, *Шах-наме*. Критический текст, т. I, М., 1960, стр. 18). Однако, если внимательно присмотреться к этому бейту, то сразу видно, что в тексте нарушена логическая связь, ибо в предмете сравнения (مشبه به) отсутствует один из компонентов так называемого وجه التشبيه — свойств, позволяющих сравнивать новый месяц со спиной человека, снедаемого любовным горем. Иными словами, дугу полумесяца можно сравнивать с согбенной спиной отощавшего от страданий влюбленного, но нельзя говорить: луна становится желтой или бледной, как стан или спина человека.

И действительно, Лондонская рукопись дает другой вариант этого бейта, который отнесен в сноски как вариант отвергнутый. Вот этот бейт:

پدید آید آنگاه باریکتر چو پشت کسی کو بود عشق خورد

Тогда он (месяц) явится тоненьким,
Как стан человека, снедаемого любовным горем.

Сразу видно, что этот вариант, отвечающий требованиям поэтики и логики, поддерживаемый общим и данным контекстом и подкрепляемый одним из авторитетнейших списков, должен быть включен в основной текст.

* * *

Далее, предпочтительным должно считаться такое чтение, которое удовлетворяет лексическим и грамматическим требованиям языка. При этом нужно, по мере возможности, принимать во внимание как особенности стиля и языка самого поэта, так и нормы языка классического периода.

Пример I. Известное двустипие из вступительной части «Шах-наме» представлено в большинстве списков и в опубликованном тексте (стр. 13) так:

توانا بود هر که دانا بود ز دانشی دل پیر برنا بود

Могуч каждый, кто мудр,
От мудрости сердце старца становится молодым.

В Лондонском же списке ز دانشی представлено как بدانشی. Ясно, что здесь должно быть именно بدانشی, потому что предлог به в классическом языке указывал не только на направление действия и адресата и т. д., но и служил постоянным показателем инструментального падежа; и стих в этом случае звучит, на наш взгляд, лучше: «мудростью (или знаниями) молодеет сердце старца».

Пример II. Во всех позднейших рукописях, а также в изданиях *Гулистана* везде и всюду в тексте сочетание двух предлогов (در — به) один из которых стоял перед именем, а второй после него) заменено одним из этих предлогов.

Так, если старые списки давали:

ری بمجلسی او در کتاب شاهنامه میخواندند

«Однажды у него на приеме читали книгу *Шах-наме*», то во все остальных рукописях *در مجلسی او* заменено на *در*.

Пример III. Первое предложение 18-го рассказа *Гулистана* в разных списках представлено так:

- ۱ آورده‌اند که نوشین روان عادل را در شکارگاهی ... کباب کردند
- ۲ آورده‌اند که نوشین روان عادل در شکارگاهی صیدی کباب میکند
- ۳ آورده‌اند که برای نوشین روان عادل در شکارگاهی صیدی کباب کردند

Легко заметить, что предпочтение должно быть отдано первом варианту предложения, ибо он более архаичен, чем все остальные: послелог *را* после *نوشین روان عادل* выступает в своем архаичном значении и означает «ради», «для». Но так как в языке более позднего периода послелог *را* оформлял главным образом лишь прямой объект, то переписчики заменили его соответственным образом.

Итак, ясно, что в подобных случаях простое большинство рукописей не должно заслонять собой требования языка, и исходя из норм грамматики того времени издатель должен отобрать соответствующее чтение, если даже оно представлено лишь в одном из авторитетных списков.

Здесь следует отметить, что бывают и такие случаи, когда все рукописи (и авторитетные, и обычные) дают чтение неудовлетворительно с точки зрения грамматических и логических норм.

Классическим примером подобного положения является знаменитое стихотворение из *Гулистана*:

نی آدم اعضای یک دیگرند	که در آفرینش ز یک گوهرند
— عضوی بدرد آورد روزگار	دگر عضوها را نماند قرار
و کز محنت دیگران بیغمی	نشاید که نامت نهند آدمی

Сыны Адама — члены друг друга,
Ибо сотворены из одной сущности.
Если судьба поразит один член недугом,
То и остальные члены покинет покой.
О ты, кого не печалят страдания других,—
Нельзя тебя назвать человеком.

Если внимательно присмотреться к первой строчке, то увидим, что в ней не все обстоит благополучно. С точки зрения формальной логики предложение «Сыны Адама — члены друг друга» звучит абсурдно. Как справедливо отмечают иранские ученые, здесь просто не хватает косвенного дополнения-определения. Они полагают, что вместо *یک دیگرند* должно быть *یک دیگرند*, и тогда все становится на свое место

² См. عوارف المعارف، ج ۱، ص ۲۲۴—۲۲۵

«Сыны Адама — члены одного организма». Действительно, это звучит логичнее. Кроме того, легко представить в скорописи, когда постоянно применяются лигатуры, слитное написание несоединимых букв, и переход *بيكر* в *ديكر* возможное явление. Это подтверждается тем, что первый и второй бейты этого стихотворения восходят, как удалось установить, к хадису, который гласит:

روى النعمان بن بشير قال سمعت رسول الله - ص - يقول انما المؤمنون كجسد رجل واحد اذا اشتكى عضو من اعضائه اشتكى جسده اجمع واذا اشتكى مؤمن اشتكى المؤمنون

Рассказывал ан-Нуман ибн Башир. Он говорил:

«Я слышал, как посланник Аллаха, — да благословит и да приветствует его Аллах, — говорил: „Воистину, правоверные подобны телу одного человека. Если заболевает один из членов, все тело его будет болеть, и если подвергнется недугу один из правоверных, будут страдать все правоверные!“»

Как видно, *جسد* «тело», «организм» полностью совпадает по значению с *بيكر*.

Как быть, если это чтение не содержится ни в одном списке? Имеем ли мы право, руководствуясь вышеуказанными критериями, включить это чтение в текст?

На наш взгляд, этого никак нельзя допускать. В таких случаях конъектуру нужно отнести в подтекст или комментарии. Раз все рукописи дают одинаковое чтение, если даже оно не удовлетворяет каким-то требованиям, то оно, без сомнения, в большинстве случаев восходит к оригиналу автора.

* * *

Одним из наиболее трудных этапов работы над текстом является выделение интерполированных строк, а иногда целых кусков.

Как правило, часть интерполяций принадлежит переписчикам или неизвестным поэтам. Подобные интерполированные строки обычно легко выделяются своей примитивной формой и туманным содержанием, а иногда и вовсе бессодержательностью. Чужое происхождение этих добавлений сравнительно легко определяется как самим контекстом и логическим ходом повествования, так и языковыми, стилистическими и эстетическими данными, а также отсутствием таких включений в большинстве старых и авторитетных списков; поэтому нет особой надобности подробно останавливаться на разборе подобных интерполяций. Однако часто встречаются и такие интерполированные строки и целые отрывки, которые невозможно удалить, исходя из эстетических оценок или же руководствуясь контекстом и логическим ходом повествования.

Нередко бывает и так, что значительная часть интерполированных стихов принадлежит самому автору. Много можно привести примеров, когда переписчики извлекали целые стихотворения и отдельные строки из одного произведения того или иного автора и включали их в другую его книгу.

Эти дополнения производятся так искусно, так удачно подгоняются к контексту, что ни содержание, ни логический ход изложения, ни эстетические и другие критерии не оказывают какой-либо помощи для опре-

деления интерполированности этих отрывков и строк. Как указывает Е. Э. Бертельс, «по существу говоря, критерия для удаления таких строк пока нет вообще, ибо исходить из эстетических оценок было бы недопустимо, а руководствоваться логическим ходом повествования опасно, так как это требовало бы прежде всего наличия полной уверенности в том, как именно поэт считал нужным разворачивать действие»³.

При удалении подобных интерполированных строк пока что единственным надежным критерием остается состав старых и авторитетных списков. Вот тут волей-неволей мы должны придерживаться большинства голосов надежных рукописей. Нарушение этого принципа, как правило, приводит к неудаче, к произволу (как это мы видим в I томе *Шах-наме*).

Особо следует отметить, что для выделения крупных интерполяций очень перспективным может оказаться разрабатываемый математический метод. Что же касается отдельных строк, то вряд ли какие-либо математические и иные подсчеты дадут эффективные результаты для их выявления.

* * *

Одним из важнейших условий критики является документация текста. Полагаться на непогрешимость каких бы то ни было критериев при отборе текста, конечно, невозможно. Выполняя одно из основных условий составления текста, издатель постоянно предоставляет возможность проверки отбора предпочтительных чтений, тщательно зафиксировав в сносках отвергнутые варианты.

Фиксация отвергнутых вариантов, разночтений необходима прежде всего для воссоздания соответствующего круга, в пределах которого находится авторский текст. Во-вторых, как отмечалось выше, у каждого текста после его зарождения начинается своя история. Как говорил Е. Э. Бертельс, воссоздание этой истории текста, восстановление процесса его искажения — одно из существенных средств для изучения и всестороннего литературоведческого исследования памятника.

Однако, на наш взгляд, при фиксации вариантов не нужно фетишизировать разночтение.

Нужно отказаться от так называемой тотальной системы воспроизводства всех разночтений, независимо от их характера.

Как известно, любая рукопись неизбежно содержит некоторое количество механических ошибок (пропуск отдельных букв, диакритических знаков, перестановка отдельных слов, другие различные мелкие искажения графического характера), очевидность которых сразу же определяется как контекстом, так и сличением с другими рукописями и происхождение которых либо отражает индивидуальную особенность переписчика, либо носит чисто случайный характер. Как справедливо отмечает А. Н. Болдырев, расхождения, ограниченные сферой данного индивидуального списка, нет смысла отмечать в сносках⁴. Это приводит лишь только к засорению аппарата.

³ Низами Гянджеви, *Икбал-намэ*, Баку, 1947, Предисловие, стр. XX.

⁴ См. А. Н. Болдырев, *Зейнаддин Васифи*, Л., 1954, стр. 18 (автореферат докт. дисс.).

Кроме того, нужно отказаться также от разночтений типа *دیرین* — *بدین* — *بدان* — *بران*, которые несколько не меняют смысл и в обеих формах одинаково закономерны для данного автора. Иногда число подобных разночтений составляет внушительную цифру (как, например, в *Шах-наме*); они отяжеляют аппарат, отвлекают читателя и бесполезно задерживают его внимание.

К этому же типу разночтений относится архаичное правописание некоторых слов. Вообще нам кажется целесообразным отказаться от попытки, иногда непоследовательно применяемой некоторыми текстологами, восстанавливать историческую форму правописания слов. Так, например, некоторые текстологи стараются сохранить *дал-и манкута*, старую форму союза *که*, передавая его через *йай-کی* *آنکه* как *آنچه*, *آنک* как *آنچ* и т. д.

Следует отметить, что соблюдать последовательность в передаче архаичных форм правописания невозможно. Ибо тогда вместо *آنچه* нужно писать не *آنچ*, а *آنچ*; там, где стоит *ب*, нужно заменить его буквой *ب*, ибо отличия в форме написаний этих букв не было так же, как в написании *ج* и *چ*. Далее нужно было бы восстановить редуцированный звук *д* не только в интервокальном состоянии, но и после сонорного *р*, так же как *мадду* над *алифом* в середине слова, и дать, к примеру, вместо *پادشاه* — *بادشاه* и т. д.

Таким образом, если восстанавливать отражение законов старой фонетики в письме, то нужно делать это везде и всюду последовательно, если же это невозможно, то нужно отказаться от этой попытки, предварительно оговорив все в предисловии. Так, в Лондонском списке правописание союза «ки» чередуется: то пишется *که*, то *کی*. Если подобные «разночтения» отразить в тексте, то мы должны были бы внести в аппарат более десятка тысяч лишних цифр и слов.

Наглядным примером непоследовательности в сохранении архаичных форм графики может служить III том *Джами ат-таварих*. В этой работе на одной странице можно встретить *که* и *کی*, *بادشاه* и *پادشاه*, *گودانید* и *گودانید* и т. д. Далее, к слову *دوازده* приводится разночтение в виде *دوآزده*, т. е. то же с *маддой* над *алифом*; или в сносках отмечается, что в слове *باروچی* опущены точки под *چ*, и т. д. В результате этого аппарат текста совершенно засорен и нарушены все нормы графики.

К другой категории относятся слова, которые имели двойную форму правописания, каждая из которых была закономерной для автора публикуемого текста, как, например: *نوشتن* — *نبشتن* — *پارس* — *فارس* — *زابلستان* — *لازورد* — *لاجورد*, *زاولستان*. В таких случаях лучше всего положиться на самый древний и надежный список, не фиксируя вторую форму в аппарате.

Итак, мы считаем необходимым отмечать в сносках только такое разночтение, происхождение которого выходит за пределы данной рукописи и отражает ту или иную текстовую традицию, а индивидуальные особенности каждого списка отразить в его описании.

* * *

Последним, но не менее важным условием критики текста является раскрытие текста. Как известно, тексты классических произведений восточной литературы допускают самую различную, подчас исключаящую друг друга, трактовку. Этому способствуют, кроме многочисленных различий, специфика системы образов, полисемантическая словесность, а также особенности арабской графики и отсутствие соответствующей пунктуации.

Результаты колоссальной работы над критикой и реставрацией оригинала останутся неизвестными, так сказать, вещью в себе, если не раскрыть текст, если не прокомментировать его и не сделать доступным не только для широкого круга читателей, но и для самих специалистов. Одним из наиболее эффективных средств раскрытия, толкования текста является филологический перевод, представляющий собой непосредственное продолжение работы над составлением критического текста. Исходя из служебного характера перевода, текстолог обязан делать его максимально точным, адекватным, не претендующим на художественность, но и не нарушающим нормы языка, на который сделан перевод. Но часто бывает так, что в силу каких-то причин перевод оказывается нецелесообразным. Кроме того, нужно учесть, что русский язык недоступен многим зарубежным ученым, в первую очередь ученым народов, памятники литературы и культуры которых мы изучаем и издаем.

В таких случаях лучше всего ограничиваться текстологическими комментариями на языке памятника и введением в текст соответствующих европейских знаков препинания, следует также широко применять диакритические знаки, характерные самой арабской графике.

Таким образом, критический текст должен представлять собой тщательно документированные, раскрытые и отобранные в качестве предпочтительных перед всеми другими чтения, достоверность которых определялась как текстом старейших и надежных рукописей, так и контекстом, логическим ходом повествования, языковыми, стилистическими и определенными эстетическими данными, а также данными исторической действительности.